

Т.В. Шмелева
(Великий Новгород)

Притяжательные прилагательные: почему не сбывается виноградский прогноз?*

В знаменитой книге В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)» выносится суровый приговор притяжательным прилагательным: их «судьба лишена перспектив» (Виноградов 1947: 167).

Они характеризуются прежде всего как деривационный класс — располагающий суффиксами *-ов*, *-ин* и *-j-*. При этом подчёркивается, что собственно притяжательными можно считать только прилагательные с первыми двумя суффиксами — *отцов*, *мамин*; адъективы же типа *лисий* относятся к «синкретическому (!) притяжательно-относительно-качественному употреблению прилагательных» (Там же: 162).

Рассуждая о собственно притяжательных прилагательных, В.В. Виноградов утверждает, что идея принадлежности конкретному лицу, составляющая семантику притяжательности, плохо соотносится с грамматической семантикой прилагательного — качественностью, и потому «сама прилагательность их условна» (Там же: 160), они ближе к местоименным прилагательным типа *мой*, *твой*. Однако рассматривает их именно в этом разделе книги.

Мысль В.В. Виноградова можно понять таким образом, что форма со столь конкретным значением оказывается мало востребованной в современной речевой практике («узкий круг употребления» (Там же: 165)) и начинает «вытесняться» более универсальными формами (Там же: 161):

- с одной стороны, относительными прилагательными, выражающими отношения вообще и не исключающими отношения обладания;
- с другой, — родительным падежом субстантива, также способным выражать разные отношения, в том числе и отношения владения (см. термин *родительный владельца*).

В конкуренции с двумя более сильными (универсальными!) формами притяжательные прилагательные оказываются явно не в выигрышной позиции. Кроме того, качественно-относительные прилагательные поглощают их,

* Основу статьи составил доклад «Притяжательные прилагательные: о “перспективах судьбы”», прочитанный автором 16.01.2007 г. на Виноградовских чтениях в МГУ, посвященных 60-летию книги В.В. Виноградова «Русский язык (грамматическое учение о слове)».

«заставляя», с одной стороны, склоняться по адъективной модели («под влиянием просторечия» — *от тетушкиного дома* (Там же: 163)), а — с другой, развивать относительную и качественную семантику (*рыбий жир, лисья шуба, соболий воротник* — ‘сделано из чего’ (Там же: 166)).

Немаловажным обстоятельством видится В.В. Виноградову и то, что слова с суффиксами *-ов, -ин* оказались втянутыми в ономастикон, став продуктивными формантами фамилий, где их семантика «индивидуализирующего выделения» (Там же: 160) пришлась как нельзя кстати. Занятость в ономастиконе ведет к лексикализации форм как субстантивов и мешает «фамильные» суффиксы воспринимать как продуктивное грамматическое средство.

Учитывая все эти обстоятельства, В.В. Виноградов характеризует состояние притяжательных прилагательных как *вымирание, вытеснение, угасание, непродуктивность, хилость*, приводя читателя к неизбежности приговора, сформулированного в конце параграфа.

В согласии с этим приговором современные грамматики уделяют рассматриваемому классу прилагательных минимум внимания.

Грамматика (1970) перечисляет их среди относительных, выделяя только по характеру признака — принадлежность. Приводятся примеры *лисий, отцов, сестрин* и в скобках приводится термин — притяжательные прилагательные (Там же: §762, 307). В описании падежа прилагательных — о них ни слова (Там же: §818).

В Русской грамматике (1980) семантические проблемы разных типов прилагательных не обсуждаются. Интересующие нас слова встречаем при описании склонения прилагательных (Русская грамматика 1980: §1318, 551; §1324, 553-554; §1326, 555-556). Здесь же приводятся авторские образования (*гигантова крестника правнук Петров унаследовал дух* — М. Цветаева) и сообщается, что уже в XIX веке такие прилагательные переходили из субстантивного в адъективное склонение: вместо *от невестина дома* стали писать *невестиного*, а вытесняемые формы квалифицировать как устаревшие. Специально отмечается, что образование таких прилагательных является устаревшим, а сами прилагательные существуют в составе географических названий типа *Канин нос*, терминов типа *венерин башмачок* и устойчивых сочетаний типа *шемякин суд, тришкин кафтан, ильин день, фомин понедельник, троицын день* (Там же: 555).

Коммуникативная грамматика (Золотова и др. 1998) специального внимания притяжательным прилагательным не уделяет, можно найти пример *птичий щебет* как случай использования прилагательного с субъектным значением в сочетании с пропозитивным существительным (Там же: 100).

В (Мустайоки 2006) тоже находим единственный пример *папина книга* в описании ядерных семантических структур при описании структуры «Обладание» в оговорке о возможности проявления семантики обладания «в качестве погруженного элемента в атрибутивной позиции» наряду с притяжательными местоимениями *моя книга* и субстантивом в родительном падеже *книга Нины* (Там же: 228).

В нормативных справочниках и пособиях по культуре речи притяжательные прилагательные подаются как формальный и деривационный класс, при этом формы *маминого, маминому*, с одной стороны, *отцова, отцову* предлагаются без вариантов (Шелякин 1993: 766-777). В (Русский 2002) отмечается, что притяжательные прилагательные выражают не только принадлежность, что видно в сочетании *отцов портфель*, но и «определяет предмет как часть другого» (Русский 2002: 188), то есть выражает партитивность, как в сочетаниях *мамина рука, лисий хвост*. Подчеркивается, что это допустимо только для одушевленных существительных, партитивность же предметов выражается исключительно в конструкциях с родительным падежом: *ножка стола, страница книги, нос корабля* и т.п. (Русский 2002:189). Интересно, что в Заданиях, которыми заключается каждый из разделов пособия, материалов для работы с притяжательными прилагательными нет, видимо, авторы не относят обращение с ними к актуальным проблемам современной языковой культуры (Там же: 202-205).

Итак, рассмотренные описания поствиноградовской поры как будто бы не входят в противоречие с прогнозом академика. А что позволяет увидеть наблюдение за речевой действительностью? Кажется, сегодня мы располагаем фактами, позволяющими вернуться к приговору В.В. Виноградова, попытавшись ответить на два вопроса: сбывается ли он? и какие объяснения этому можно найти?

Берусь утверждать, что приговор оказался слишком суров, и если его рассматривать как прогноз, надо признать, что подтверждается он не полностью. Дело в том, что в конце XX века с русским языком произошли изменения, которые неожиданно выявили перспективы функционирования притяжательных прилагательных. Будем здесь говорить, следуя за В.В. Виноградовым, о безусловно притяжательных прилагательных на *-ов* и *-ин*, хотя и йотовые адъективы, например, *чиновничий*, представляют немалый интерес. Кроме того, исключим из рассмотрения два типа устойчивых конструкций с интересующими нас прилагательными: во-первых, топонимы и микротопонимы типа *Бочаров ручей, Жедюлов бор, Юрьев и Феропонтов монастырь, Андреева Дача и Ипатово Роцца* (Русская 1994: 280); и, во-вторых, терминологические сочетания с притяжательными прилагательными типа *гайморовы пазухи, кесарево*

сечение, эдипов комплекс: их функционирование ограничено и от изменений в языковой ситуации практически не зависит. Особую проблему составляет исследования нового освоения церковнославянизмов типа *Рождество Христово, Лазарева суббота, Закон Моисеев*; отметим только, что список «Религиозных понятий и слов, используемых Православной Церковью», помещенный в (Голуб 2007), включает более 40 выражений с притяжательным прилагательным.

Для интересующих нас прилагательных существенно, что русский язык пережил возвращение лексики, не то чтобы забытой, но при советской власти старательно вытаскиваемой: *Дума, губернатор, гимназия, лицей, трактор* (Русский 1996: 67; Валгина 2003: 78). Результат этого процесса выглядит как некоторая **архаизация** современного лексикона.

На волне этой тенденции вернулись в оборот устаревшие идиомы, во всяком случае, отсутствующие в словарях (МАС; Молотков 1978): *Зачем же нам обрекать себя на все эти **адовы** муки?* (Итоги, 29.01.07); *полуобнаженных красавиц, застывших как каменные изваяния, и статуй главного редактора «Независимой» из папье-маше еще не было (и те и другие появятся только на десятилетия газеты в 2001 году — и это будет воистину **валтасаров пир**)* (Взгляд, 7.02.07).

Использование таких речений бывает мотивировано контекстом. Так, литературный критик В. Топоров, рецензируя книгу М. Юрьева «Третья империя», не удерживается от восклицания *Вот тебе, бабушка, и **Юрьев день!*** (Взгляд, 13.12.06).

Характерен в этом отношении фрагмент из интервью с ректором Московского университета, где упоминается «связь времен» и при этом используется притяжательное прилагательное (воспринимаемое, заметим, как один из знаков такой связи):

— *Почему же день рождения МГУ вы празднуете зимой?*

— ***Государев** указ об учреждении университета был подписан в январе, но понадобилось время на решение разного рода технических вопросов. В частности, в аптекарском доме размещалась городская казна, ее в срочном порядке вывезли, освободив здание. Потом уже, спустя десятилетия, университет перебрался в построенный по проекту Казакова особняк на Моховой, более просторный и приспособленный для занятий. Словом, разместив выставку в Историческом музее, мы хотели еще раз подчеркнуть связь времен...* (Интервью А. Ванденко с В. Садовничим, Итоги №1/05).

Возвратившиеся в культурный оборот праздники и календарные понятия принесли с собой и адъективные конструкции рассматриваемого типа. Наиболее известный из них — ***Татьянин день***. Симптоматично, что в обсуждении его в прессе журналисты допускают варьирование падеж-

ных форм, как в газетных заголовках в январе 2003: *Утро Татьянина дня* и *Рассказы о Татьянах к Татьянинному дню*. Интересно, что даже в одном тексте можно обнаружить формы и субстантивного, и адъективного склонения: *И вот наконец мы дошли до Татьянинного дня...и празднование Татьянина дня, угодившего на прошлый четверг* (Н. Климонтович, «La vie de jour», Коммерсантъ-Daily, 01.27.06)¹.

Национальный корпус русского языка показывает, что такое грамматическое варьирование характерно не только для журналистов, которых можно подозревать в недостаточной грамотности, но и для авторитетных авторов: *Брат не понимает ни ее, ни ее вражды к прогрессу, гуманности, Татьянину дню, gaudeamus igitur* (Л.И. Шестов, «Апофеоз беспочвенности», 1905)^н; *их всегда достаёт к Татьянинному дню!* (Т. Окуневская, «Татьянин день»)^н.

Итак, тенденция архаизации лексикона вернула в него ряд притяжательных прилагательных, расширив область их использования.

Вторая тенденция, характерная для языка рубежа веков, — его дезофициализация, одомашнивание, если можно так сказать. На этой волне из семейного языка «домашние» адъективы шагнули на газетную полосу: *Папин праздник* — заголовок статьи о новом петербургском празднике День отца (Известия, 23.08.07) и *Папины чистки* — о кадровых перестановках Папы Римского (Новое время, 1.10.07); *Прабабушкина логика* — о школьных учебниках истории (Газета, 23.08.07); *Маменькины сынки* — о женщинах в высокой политике (Русский репортер, 8-15.11.07); *Владимиру Путину оказали мишкину услугу* (Коммерсантъ, 7.12.07) — о создании детского крыла «Наших». Появилась среди заголовков даже *Кузькина мать*, о которой вспомнили в связи со вниманием к космосу в Плесецке (Итоги, 6.08.07)². Сюда же можно присоединить знаменитый питерский «*Митин журнал*» и текущий телесериал «*Папины дочки*».

Заголовки и названия — не единственная позиция для домашних прилагательных. Так, А. Лифшиц на вопрос интервьюёра «Чья фотография стоит у вас на рабочем столе?» по-домашнему отвечает: «*Отцова*» (Карьера, 2000)^н. А музыкальный обозреватель «Известий» М. Марголис в статье о вечеринке по поводу 31-летия Земфиры и одновременно начала нового учебного года (31.08.07) использует выражения *Земфурин альбом, щемяще-романтическая тональность Земфуриного сета, радовался Земфуринной удали*. Сказать, что это — факт его идиостилия мешают примеры: *Земфуринны песенки в этом ряду не исключение* (Д. Бавильский, Взгляд, 30.12.06); *те, кто любил старые Земфуринны песни, «Спасибо» раскритиковали; это и мешает отнестись к новой Земфуринной записи серьезно* (К. Щербакова, «Город», 15-21.10.07).

Заслуживает внимания и тот факт, что, кроме журналистов и писателей, притяжательные конструкции используют авторы брендов, а они рассчитывают на безусловно положительные эмоции читателей-покупателей: «*Бабушкин хлеб*», топленое масло «*Бабушкино*», шоколад «*Нянюшкины сказки*»; шампунь «*Бабушкины рецепты*»; «*Веркино масло*» (имеется в виду Верка Сердючка, о чем свидетельствует портрет на этикетке). Расширяя культурные горизонты покупателя, соль для ванн с экстрактами трав изготовители именуют — «*Фараоновы ванны*» (пос. Нижний Баскунчак Астраханской области). Нетрудно заметить, что здесь также проявляются тенденции к одомашниванию (отсюда термины родства и неофициальные имена к качеству производящих) и архаизации (отсюда и фараоны и настойчивые отсылки к предкам, как минимум — бабушкам).

Итак, «приговоренные» Виноградовым прилагательные мы видим на газетной полосе и упаковках разных товаров.

Однако рассуждать об их новых перспективах было бы странно, если бы наблюдалось только оживление их воспроизведения, хоть это и весьма показательные факты. О том, что рассматриваемый тип слов жив в языковом сознании русских, говорят три ряда фактов креативного характера.

Первые показывают, что современные авторы свободно меняют референтную отнесенность выражений. Так, материал об альбоме Жанны Агузаровой, которая именуется в тексте «самопровозглашенной марсианкой», «переместившейся в мир марсианских хроник», озаглавлен *Марсово поле* (Известия, 13.09.03). И текст заставляет думать совсем о другом Марсе, чем тот, что имеется в виду при восприятии римского топонима, усвоенного европейскими городами, в том числе и Петербургом.

Вторые демонстрируют свободу обращения с прилагательным, позволяющую в нарушение его устойчивых связей построить новые сочетания. Так, уже упоминавшееся выражение *Татьянин день* в статье к этому празднику преобразуется в *долгий и трудный Татьянин век* (Новгород 25.01.07); а информация о взрыве в здании МГУ была озаглавлена в Интернете *Татьянин взрыв*. Показателен в этом отношении и такой пример: *Сейчас рождается другая незаметная решимость: на сорок лет подъема по лестнице, движущейся вниз в школах и в приходах. Решимость на почти **сизифов** и почти неоплачиваемый **труд*** (Г. Померанц, Знамя, №4/06)^н. Рассчитывая на знания читателей, изменяют сочетаемость притяжательных прилагательных в заголовках *Авгиевы подьезды* (Новая новгородская газета, 19.12.2001) или *Певцы гнезда Петрова*³ (Город, 15-21.10.07).

Третий ряд фактов говорит о том, что пишущие сегодня свободно образуют новые прилагательные. Так, в журнале «Итоги» статья о рос-

сийском рынке программ для обмена мгновенными сообщениями называется *Аськины дети* (1.07.07); а о «юной смене» американских хоккеистов — *Клюшкины дети* (15.07.07). Чтобы не сложилось впечатления, что это свойственно журналистам столичных медиа, приведем пример из скромной официальной городской газеты «Новгород»: крохотная информация о том, что на Торговой стороне (!) Новгорода обнаружен мертвый енот с признаками бешенства, выходит под заголовком *Енотова сторона* (29.11.07).

Отметим, что при этом снимается семантическое ограничение на образование притяжательных прилагательных: только от одушевленных, лучше личных субстантивов. Свидетельствует о небрежении этим правилом пример из статьи М.Соколова *метрополитеновы подземелья* (Известия, 24.05.03) или заголовок светского репортажа с русского «Бала цветов» в Монако *Монаков цвет* (Там же, 14.08.07), представляющие притяжательные дериваты от локативных субстантивов. Заголовки рецензии там же на книгу А. Рубинова «История трех московских магазинов» — *Авоськин труд* (6.06.07) и *Пиарова победа* (Итоги, 29.01.07) предьявляют дериваты от субстантивов предметной и пропозитивной семантики. Соответствует ему газетный заголовок *Сисадминов день* (Известия, 28.07.03), однако окказиональность его не вызывает сомнений.

Самым удивительным свидетельством живости притяжательных прилагательных оказывается образование их от несуществующих слов, как заголовок статьи о сектантах, замуравившихся в пензенской области в ожидании конца света, — *Параноев ковчег* (Московский комсомолец, 17.11.07).

Вообще говоря, такие факты нельзя признать абсолютно невиданными. В.В. Виноградов приводит примеры такого рода образований: *ребровы дуги, стеганье одеялово, губы вещины, постановление исполкомово* и др. (Виноградов 1947: 162). Однако весьма существенно, что приводимые им окказионализмы, которые, кстати сказать, по его заключению, «не привились», принадлежат перу великого поэта и экспериментатора В. Маяковского, тогда как наши — журналистов или дающих заголовки редакторов. Иначе говоря, способность создавать новые притяжательные прилагательные сегодня — факт массового языкового сознания.

Особого внимания заслуживает такой прием использования притяжательных прилагательных, который можно назвать **реадъективацией** фамилии: её используют как прилагательное, как бы воскрешая внутреннюю грамматическую форму: *Вот тебе и Юдашкин день!* (Независимое военное обозрение, 7.12.07); *Кортнев день* (Известия, 14.02.03); *Глазьев день* (Время новостей, 7.09.07); *Гордеев ужин* (Российская газета, 26.09.07); *Зурабов комплекс* (Время новостей, 1.10.07); *Мионов*

ковчег: всякой твари по паре (Новое время, 1.10.07). Все использованные таким образом фамилии — широко известны: Юдашкин — модельер, который сейчас работает над формой для российской армии, Кортнев — лидер группы «Несчастный случай», остальные — политики. Стоящий рядом с фамилией субстантив заставляет прочитывать её как притяжательное прилагательное, при этом за каждым таким новым сочетанием стоит не столько грамматический образец образования прилагательного, сколько прецедентный текст с сильной культурной памятью — *петров день, гордиев узел, эдипов комплекс, ноев ковчег, Вот тебе, бабушка, и Юрьев день*. Иногда этот прецедентный текст присутствует рядом с окказионализмом, исключая его другие понимания: *Это что ж получается, выходит Чуров поставил каинову, простите ЦИКову печать на лпу?* (Московская правда, 11.12.07).

Если обратиться к языку художественной литературы, то и здесь можно найти интересующие нас прилагательные, например, в заголовках: рассказа А.И. Солженицына «*Матренин двор*», рассказа В. Астафьева «*Васюткино озеро*»; пьесы Вен. Ерофеева «*Вальпургиева ночь*, или Шаги командора». Современные поэты называют свои книги стихов — «*Сизифов грех*» В. Бобрецова (М.; СПб, 1994) и «*Анютины грядки*» А. Волохонского (Пермь, 1994)⁴. Из новых прозаических произведений можно назвать повесть Д. Гуцко «*Покемонов день*» (информация от Н.С. Зацепиной).

Нельзя не упомянуть знаменитый «*Мочалкин блюз*» Б. Гребенщикова. Неожиданно, что это название использовали в качестве заголовка статьи о том, как на выборах в Государственную Думу избирателям вручались подарки — губки для мытья посуды. Анализируя прошедшие выборы, автор высказывает такое суждение: *Будем надеяться, все эти просчеты учтут к следующим выборам, если, конечно, возникнет такая же острая потребность в явке на избирательные участки, да и сами избиратели после такого «мочалкиного блюза» пожелают на них пойти* (Новгород, 6.12.07). Как мы видим, язык рока и язык массовой коммуникации соприкасаются без особых препятствий.

В текстах художественной прозы встретить притяжательное прилагательное — не редкость: *Взгляд, направленный на Андрея, ослепил его, он не запомнил отцова лица, не заметил, как оно изменилось, он видел только, что это оно, отцово лицо обвисшими седыми усами, и все* (В. Распутин, «Живи и помни»)⁵; *Как будто выдается напрокат Поэзия... Сыновья иль Отцова* (А. Битов, «Последовательность текстов»)⁶; *Хутор отцова отца было отлично виден с Ванюшкиного хутора* (Б. Миронов, «Скобарёнок»)⁷; *Кузнецов вспомнил дедову поговорку, сложил пальцы в фигу и показал её кому-то в ночь* (П. Алешковский, «Песочные часы»).

Что касается семантических причин «законсервированности» притяжательных прилагательных, здесь не согласиться с оценкой В.В. Виноградова невозможно. Действительно, притяжательность как слишком конкретное значение оказывается как бы вне потребностей современной речи, во всяком случае, не в её самой востребованной зоне. Их присутствие в тексте производит впечатление нарочитой сниженности уровня обсуждения проблемы, можно сказать, достигается «эффект антипафоса», что хорошо видно на заголовках типа *Папины чистки*. Здесь напрашивается вывод о том, что притяжательные прилагательные из когда-то регулярного грамматического средства превратились в стилистическое, активно используемое в разных современных текстах.

Итак, можно убедиться в том, что современный литературный язык, в частности, язык массмедиа не исключил притяжательные прилагательные из арсенала своих средств, более того, мы можем констатировать оживление их употребления. Наряду с этим для рассматриваемой проблемы существенно, что в сферу лингвистического внимания вовлечены и даже лексикографически описаны новые области использования языка, традиционно, в том числе и В.В. Виноградовым, при анализе грамматических фактов не учитывавшиеся. Назовём три таких области.

В первую очередь следует обратиться к **языку города**, точнее, к городской топонимии, которая привлекает всё большее внимание лингвистов. Здесь обнаруживаются новые факты функционирования притяжательных прилагательных типа *Марьино роца* в Москве. Может быть, более показателен в этом отношении Петербург, в топонимии которого традиционны номинации: *Марсово поле*, *Тучков переулок*, *Елагин остров*, *Аничков мост*. Интересно, что наименования с такими прилагательными оказались в числе городских имен, возвращённых в 1992-1993 гг. В Москве это еще не успевшие забыться *Воробьёвы горы*. В Петербурге — *Аничков дворец* (с тех пор, как *Дворец пионеров имени Жданова снова стал Аничковым* — Известия СПб, 11.12.07).

Особый интерес представляет ономастическая ситуация в Великом Новгороде. Хотя в городе всегда были именованья типа *Ярославово дворище*, *Лихудов корпус*, но они, видимо, не настолько частотны в речи горожан, чтоб составить грамматический прецедент. В 1993 г. в ходе массового возвращения старых имен улиц в городской словарь введены такие названия, как *Ильина*, *Чудинцева*, *Конюхова* — всего 12 имен. То, что эти имена — притяжательные прилагательные, доказано в монографии (Васильев 2005), где им посвящена специальная глава (Там же: 335-368). Однако для новгородцев это не стало очевидным, потому, в частности, что возвращение имен не было сопровождено грамматическим ликбезом. И эти формы до сих пор воспринимают и используются в речи как роди-

тельный падеж субстантива, тем более что на такое восприятия «работает» огромный опыт именованя улиц в советских городах: *улица Чудинцева* вместо правильного *Чудинцева улица*. Не очень помогает и то, что все знают, как называется всемирно известная церковь **Спаса Преображения на Ильине**; это лексикализованное сочетание не служит моделью для обращения с именами улиц, и, расспрашивая новгородцев об адресах поблизости, вполне можно услышать «*это дальше по Ильина*».

Мало изменили ситуацию появившиеся на улицах таблички с разъяснением происхождения исторического имени (кстати сказать, на них не указано ударение, а порядок слов не соответствует грамматике притяжательного прилагательного).

Обстоятельством, препятствующим освоению грамматики прилагательного, кажется номинативный компромисс новгородских властей, в результате которого на одной адресной табличке оказались соединенные старинные и советские имена, например, и советское название «улица Черемнова», героя Отечественной войны, и средневековое Конюхова улица.

Естественно, что люди воспринимают этот текст как два родительных падежа. И неудивительно, что один школьник в анкете «О чем говорят имена улиц», которую проводила в ходе дипломного исследования студентка НовГУ Л. Мозгалева, написал, что улица названа в честь конюха Черемнова.

Возвращение имен улиц, которое бурно переживали наши города в начале 90-х, изменило городской ономастикон, восстановило историческую справедливость, но и породило новые проблемы, в частности, грамматические трудности. Эту проблему приходилось обсуждать на научной конференции (Шмелева 2001) и на страницах областной газеты — в рубрике «Извините, вы ошибаетесь!» (Шмелева 2007а; 2007б).

Подобные проблемы возникают и в других городах, например, в Красноярске с названием *Татышев остров*, что лингвисты обсуждают в научно-популярных выступлениях и в дискуссиях с городскими властями. Дело в том, что этот остров на Енисее в черте города хотят превратить в парк, и среди вопросов оказались такие: как его назвать? как обращаться с названием, если назвать парк по острову? Вопросы эти связаны и с пониманием формы *Татышев*, приходится доказывать, что это притяжательное прилагательное, и рассказывать, как такие прилагательные склоняются, ссылаясь на опыт Петербурга (Сперанская 2005).

Интересно отметить, что в современном городском лексиконе появляются нетопонимические наименования с притяжательными прилагательными. Так, в Новгородском университете, который носит имя Ярослава Мудрого, ежегодно отмечается праздник *Ярославов день*. Университетские историки, занимающиеся изучением деятельности братьев Лихудов, основавших в Новгороде в 1706 году «эллино-славянские школы», что теперь считается началом высшего образования, проводят *Лихудов день*.

Появляются подобные и коммерческие номинации (Новичихина 1998); так, в Омске есть фирма торговли древесиной *Ивановы Проекты*; строительно-монтажная фирма *Ноев ковчег* и магазин одежды *Мамина линия* (Омские страницы 2007). В Красноярске есть кафе с названием *Курочкин гриль*.

Факты функционирования притяжательных прилагательных предъясняет и неофициальная устная городская речь (сленг, жаргон, арг), словари которой стали выходить в последние время. Так, в словаре петербуржцев более 40 выражений типа *Демутов трактир*, *Бироновы конюшни*, *Брейтенфельдово поле*, *Катькин садик* (Синдаловский 2002); их можно увидеть и на газетной полосе, хотя бы и в кавычках: *Прекращение движения транспорта менее болезненно в районе «Катькиного сада, чем возле Русского музея* (Известия СПб 11.12.07). С десятков подобных номинаций находим в описании псковского сленга: *Жедиллов бар*, *Кошкин дом*, *Славин дом*, *Магелланова конюшня* (Никитина & Рогалева 2006). В новгородском сленге, словарь которого еще не создан, известен топоним *Катькина горка*.

Таким образом, язык города — официальный и неофициальный — тоже оказался средой, благоприятной для притяжательных прилагательных.

Вторая область функционирования русского языка, которая предъясняет нам факты живого присутствия притяжательных прилагательных, — это, по терминологии В.В. Химики, **русская разговорная экспрессивная речь**, лексикографическое описание которой он представил в словаре (Химик 2004), включающем более 15 тысяч слов и устойчи-

вых выражений. По моим подсчётам, среди них более 20 включают притяжательные прилагательные типа *мамкина, папашин*, в том числе, и образованные от имен собственных: *сидорова коза, маланьина свадьба*. К ним следует прибавить весьма частотные в экспрессивной речи дериваты от известных соматизмов, приводить примеры которых в академическом издании не представляется возможным (Химик 2004: 673, 686-687, 689). Материалы словаря говорят о том, что обсуждаемые формы живы и продуктивны.

Наконец, третья сфера функционирования русского языка, которая открылась для лингвистов благодаря работам исследователей, относящих себя к онтолингвистике, — это детская речь. Располагая словарем (Цейтлин 2006), мы можем сказать, что дети весьма активно образуют притяжательные прилагательные. При этом более продуктивным оказывается суффикс *-ин*, с ним в словаре зафиксировано 22 слова, тогда как с *-ов* всего 2 (*котово дерево* — Там же: 66; *соков вкус* — Там же: 178).

Дети не знают ограничений и образуют прилагательные не только от одушевленных субстантивов (*крокодилины детки* — Цейтлин 2006: 68), но и от слов *арбуз, пижама, кладовка*: *Арбузин сок пили. Немножко арбузинова сока* (Там же: 12); *Где мои пижамнины штанишки?* (Там же: 122); *Кладовкина дверь мешает открыть спальнину дверь* (Там же: 59). Хотя мы отказались обсуждать судьбу йотовых адъективов, отметим всё-таки, что на их месте дети образуют относительные *лисовый, медвежий, медвежный, овечный*. Могу добавить из своего учительского опыта, что и шестиклассники на просьбу в выражениях *яйца сороки, лежбище тюленей* заменить родительный падеж существительного прилагательным преподносили *сорокины* и *тюленческие*.

Конечно, чтобы ответить на вопрос, каково место притяжательных прилагательных в постигаемой ребенком грамматике, надо проводить специальное исследование. Однако и имеющиеся в словаре данные позволяют думать о том, что это живая категория, ощущаемая детьми.

Итак, подводя итоги, можно сказать следующее. Как хотелось доказать, судьба притяжательных прилагательных сложилась несколько иначе, чем представлял себе В.В. Виноградов. Но это заключение не должно звучать как упрёк великому лингвисту.

В 1947 году невозможно было предположить, что в культурную и речевую практику вернется многое из того, что тщательно изгонялось. Вряд ли можно было себе представить, насколько свободными и изобретательными будут журналисты в XXI веке, как они научатся работать с прецедентными текстами и воспринимать свой текст в режиме интертекстуальности — постоянной переклички со множеством других текстов. Трудно было предвидеть и то, как расширятся лингвистические

горизонты, вовлекая в поле зрения исследователей языка такие области его бытования, как официальный и неофициальный язык города, экспрессивную речь, которая всегда была за рамками приемлемого в научном обиходе (вспомним историю с Бодуэновским переизданием словаря Даля), наконец, детскую речь, изучение которой требует особых исследовательских стратегий.

Учитывая все это, вполне можно говорить об активизации обсуждаемого адъективного класса, проявляющейся в

- возвращении в оборот ряда наименований, включающих такие прилагательные;
- расширении сферы использования прилагательных «домашнего употребления»;
- присутствии конструкций с притяжательными прилагательными в дискурсе современных медиа в качестве прецедентных текстов, что служит основанием для образования окказиональных форм;
- живом их использовании в городской и детской речи, а также в «нижних слоях языкового существования» — как одного из средств экспрессивности.

В заключение стоит сказать о том, что и на этот раз «перечитывание классика» оказалось стимулом к тому, чтобы внимательно взглянуться в современную речевую практику, соотнеся её с оценками и прогнозами, сделанными более чем полвека назад.

Примечания

¹ Этот и ряд других важных для рассматриваемой проблемы примеров извлечены из Национального корпуса русского языка — www.ruscorpora.ru. Они будут отмечены значком ⁿ.

² При анализе заголовков весьма полезным оказывается сайт www.zagolovki.ru.

³ Идиома *Птенцы гнезда Петрова* представлена как вокабула словаря петербуржцев в значении ‘соратники. Буквально — сподвижники и ближайшие друзья Петра I’ (Синдаловский 2002: 152).

⁴ Данные из книги: (Зубова 2000: 400-401).

Литература

Валгина, Н.С.: 2003, *Активные процессы в современном русском языке: Учебное пособие для студентов вузов*, Москва.

Васильев, В.Л.: 2005, *Архаическая топонимия Новгородской земли (Древнеславянские деантропонимные образования)*, Великий Новгород.

Виноградов, В.В.: 1947 / 1972, *Русский язык (грамматическое учение о слове)*, 2-е изд, Москва.

Голуб, И.Б.: 2007, *Новый справочник по русскому языку и практической стилистике: Учебное пособие*, Москва.

Грамматика: 1970, *Грамматика современного русского литературного языка*, Москва.

- Золотова, Г.А., Онипенко, Н.К., Сидорова, М.Ю.: 1998, *Коммуникативная грамматика русского языка*, Москва.
- Зубова, Л.В.: 2000, *Современная русская поэзия в контексте истории языка*, Москва.
- МАС: 1981-1984, *Словарь русского языка в 4-х тт.*, под ред. А.П. Евгеньевой, Москва.
- Молотков, А.И. (ред.): 1978, *Фразеологический словарь русского языка*, Москва.
- Мустайоки, А.: 2006, *Теория функционального синтаксиса: от семантических структур к языковым средствам*, Москва.
- Никитина, Т.Г. & Рогалева, Е.И.: 2006, *Региональный словарь сленга. Псков и Псковская область*, Москва.
- Новичихина, М.Е.: 1998, 'Коммерческая номинация: ретроспективный анализ', *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень*, под ред. А.П. Сковородникова, вып.7, Красноярск, 22-24.
- Омские страницы: 2007, *Омские страницы: Адресно-телефонный справочник*, вып. №14, Омск.
- Русская: 1994, *Русская ономастика и ономастика России. Словарь*, под ред. О.Н. Трубачева, Москва.
- Русская грамматика: 1980, Т. 1, Москва.
- Русский: 1996, *Русский язык конца XX столетия (1985-1995)*, Москва.
- Русский: 2002, А.И. Дунев, М.Я. Дымарский, А.Ю. Кожевников и др., *Русский язык и культура речи: Учеб. Для вузов*, под ред. В.Д. Черняк, Москва.
- Синдаловский, Н.А.: 2002, *Словарь петербуржца*, Санкт-Петербург.
- Сперанская, А.Н.: 19.05.2005, 'ТАТЬШЕВ ОСТРОВ: историко-филологический этюд', *Университетская жизнь*, Красноярск.
- Химик, В.В.: 2004, *Большой словарь русской разговорной экспрессивной речи*, Санкт-Петербург.
- Цейтлин, С.Н.: 2006, *Словарь детских словообразовательных инноваций*, 2-е изд., Санкт-Петербург.
- Шелякин, М.А.: 1993, *Справочник по русской грамматике*, Москва.
- Шмелева, Т.В.: 2001, 'Древние топонимы в современной городской среде', *Топонимия и диалектная лексика Новгородской земли: Материалы Международной научной конференции «Историческая топонимика Великого Новгорода и Новгородской земли» 13-15 ноября 2001*, Великий Новгород.
- Шмелева, Т.В.: 2007а, 'Как обращаться с Чудинцевой улицей, или Чудеса с окончаниями, падежами и прилагательными', *Новгородские ведомости*, № 4, 16.01.2007.
- Шмелева, Т.В.: 2007б, 'Одной Чудинцевой сыт не будешь, или Немного о грамматике притяжательности', *Новгородские ведомости*, № 71, 30.05.2007.